

Чжао Цюн с улыбкой произнес:

— На пир в честь цзеюаня приглашают тех, кто вошел в Третью группу выпускников на провинциальном экзамене в своих краях. Могу ли я спросить, вы ведь Тан Шэнь, Яюань Тан Шэнь?

Тан Шэнь слегка удивился:

— Именно так.

Чжао Цюн проводил его до дверей и сказал:

— Мой отец как-то упоминал вас, Яюань Тан Шэнь, в связи с господином Ван Цюанем.

Тан Шэнь:

— ...

В душе Тан Шэня зародилось нехорошее предчувствие, но ему ничего не оставалось, кроме как спросить:

— Это как-то связано с моим старшим соучеником Цзыфэном?

— Отец говорил, что раз господин Ван Цюань — муж столь выдающегося ума, эрудиции, благородства и проницательности, то и его младший соученик непременно окажется незаурядным талантом. Сегодня я лично убедился в этом: вы, Яюань Тан Шэнь, действительно подобны господину Ван Цюаню — благородный муж, чистый, как нефрит, словно обточенный и отшлифованный.

— ...

Тан Шэнь с улыбкой ответил:

— Благодарю наследника за столь высокую похвалу.

Когда Тан Шэнь вернулся домой, управляющий Лу уже давно ждал его.

Тан Шэнь со вздохом сказал:

— В последний момент все изменилось: Князь Цзин не пришел, вместо него явился наследник княжества Цзин Чжао Цюн. Впрочем, наши догадки подтвердились: наследник держится с величавым достоинством и учтив с учеными мужами. Раз он смог воспитать такого сына, Князь Цзин наверняка и впрямь дорожит талантливыми книжниками Поднебесной. Надеюсь, управляющий Лу, в дальнейших делах вы приложите все усилия.

Управляющий Лу ответил:

— Не беспокойтесь, молодой хозяин.

На следующий день управляющий Лу взял с собой редчайший красный коралл, привезенный из Цзяннаня, и отправился в Павильон Хуатанцю. Увидев столь великолепный коралл, здешний лавочник не посмел совершить сделку самостоятельно и поспешил пригласить из Терема Цяньли главного управляющего Сина. Едва войдя в комнату и увидев управляющего Лу, управляющий Син изумленно воскликнул:

— Как ты здесь оказался?

Управляющий Лу тоже разыграл удивление:

— Брат Син, ты разве не в Тереме Цяньли должен быть? Как ты здесь очутился?

Управляющий Син с поклоном улыбнулся:

— Не стану скрывать от тебя, этот Павильон Хуатанцю — тоже часть дела нашего Терема Цяньли. Я, как главный управляющий, приглядываю за обеими лавками. Слышал, у тебя, брат Лу, есть ветвь отменного красного коралла. Это правда?

— Взгляни сам, брат Син...

Приближался Новый год, и Шэнцзин вновь завалило сильным снегопадом.

За день до кануна Нового года управляющий Лу, пробираясь сквозь метель, пришел к Тан Шэню. Стряхивая снег с плеч, он сказал:

— Молодой хозяин, завтра управляющий Син пригласил меня к себе на праздничный ужин. Он знает, что я приехал из Цзяннаня и в Шэнцзине у меня нет родных, поэтому и позвал в гости.

Тан Шэнь задумался:

— Ты уже решил, что преподнесешь ему в качестве новогоднего подарка?

Управляющий Лу ответил:

— Простое мыло, туалетное мыло и Хуанцзиньлюй... По правде говоря, все это уже давно появилось в Шэнцзине — странствующие торговцы привозят их из Цзяннаня, так что диковинкой они не считаются. У управляющего Сина тоже все это есть.

Тан Шэнь с улыбкой произнес:

— Возьми с собой завтра коробку Хуанцзиньлюй.

Управляющий Лу растерялся:

— Молодой хозяин, но я же только что сказал, что управляющий Син давно знает о Хуанцзиньлюй, да и дома у него этого добра хватает.

— Ты возьмешь коробку Хуанцзиньлюй, но не упаковывай ее в коробку Павильона Чжэньбао управы Гусу и не используй упаковку Павильона Цзиньсю управы Цзиньлин. Купи какое-нибудь украшение в Павильоне Хуатанцю, и подари Хуанцзиньлюй в их собственной коробке.

Выслушав его, управляющий Лу все мгновенно понял. Он почтительно сложил руки:

— Молодому хозяину в этом году исполнилось всего пятнадцать, но мне порой кажется, что я за свои тридцать с лишним лет жизни и вполнине не смыслю в торговле так, как вы!

Тан Шэнь рассмеялся:

— Будешь продолжать в том же духе — перегнешь палку.

Другими словами: лести уже достаточно, а то еще ненароком на неприятность нарвешься.

Управляющий Лу притворился, будто ничего не понял, и с самым невинным видом почесал затылок.

Отложив пока дела с мылом и Посягуном, после Нового года Тан Шэнь с головой ушел в учебу, сосредоточив все помыслы на подготовке к столичному экзамену.

Как ни странно, перед самым столичным экзаменом Ван Чжэнь перестал требовать, чтобы Тан Шэнь каждый день писал по одному сочинению багу.

Сегодня Тан Шэнь пришел в Резиденцию министра и показал Ван Чжэню свитки с каллиграфией, которую тренировал последние пару дней. Ван Чжэнь мельком взглянул на них, отложил в сторону и спросил:

— Ходил ли ты в последнее время отпускать на волю живых тварей?

В Шэнцзине собиралось все больше и больше цзюйжэней. С приближением столичного экзамена они начали в спешке уповать на милость Будды.

Изнурять себя учебой день и ночь, привязывая волосы к балке и покалывая бедро шилом — это один из способов. Покупать живность на рынке птиц и зверей и отпускать ее на волю у храма Гуаньинь или храма Сянго — другой. Чем ближе был столичный экзамен, тем изощреннее становились способы цзюйжэней вымолить себе успешную сдачу. И если выпуск на волю животных еще выглядел разумно, то сегодня по пути к Резиденции министра Тан Шэнь заметил двух молодых ученых, которые стояли у ворот и отвечивали глубокие поклоны.

— Слышал, это и есть Резиденция министра Ван Цзыфэна, господина Ван Цюаня. Сам государь восхвалял его как «несравненного чжуанюаня». Наш поклон ему непременно поможет!

Тан Шэнь:

— ...

Следуя этой логике, Тан Шэнь, который проводил с Ван Цзыфэном бок о бок дни и ночи, должен был сдать экзамен на степень цзиньши даже с закрытыми глазами. Иначе он просто опозорил бы славное имя Ван Цзыфэна!

Тан Шэнь немного помолчал и произнес:

— Не думал, что и старший соученик Цзыфэн верит в обряд освобождения животных.

Ван Чжэнь спросил:

— А ты не веришь?

«Я ведь вырос под красным знаменем, я верный преемник социализма и убежденный сторонник материализма. Как я могу верить в подобное?» — подумал про себя Тан Шэнь.

Ван Чжэнь со вздохом заметил:

— Лучше верить, чем не верить.

Тан Шэнь удивился:

— Старший соученик?

Ему показалось, что сегодня с Ван Цзыфэном творится что-то странное.

— Утром я велел управляющему купить для тебя несколько тварей. Ступай и отпусти их на волю.

Совершенно сбитый с толку Тан Шэнь последовал за Ван Чжэнем на задний двор Резиденции министра. Там их уже поджидал управляющий, держа в руках рыбу, кролика и курицу.

Оказывается, все было подготовлено заранее!

Ван Чжэнь приказал:

— Возьми эту рыбу.

Тан Шэнь промолчал, но послушно взял ее в руки.

— Отпусти ее на волю.

Тан Шэнь донес рыбу до пруда и осторожно опустил в воду. Но едва она скрылась в глубине, как управляющий подошел к краю и принялся сыпать корм. Едва спасшаяся рыба оказалась несусветно глупой: ее только что вытащили на берег, а она, едва обретя свободу, тут же ринулась на приманку. Управляющий ловким движением выловил ее обратно и поднял за жабры.

Ван Чжэнь с самым серьезным видом произнес:

— Похоже, у нее с нами особая судьба, раз она не желает уплывать.

Тан Шэнь лишился дара речи.

«Ван Цзыфэн, ты с ума сошел?!»

Затем Ван Чжэнь велел:

— Теперь возьми кролика.

Тан Шэнь поднял кролика и, следуя указаниям Ван Чжэня, выпустил его в сад на заднем дворе. Не прошло и нескольких мгновений, как управляющий с двумя слугами притащил зверька обратно — тот угодил прямо в капкан. Тан Шэнь попробовал выпустить курицу, но управляющий тут же поймал и ее.

Ван Чжэнь с глубоким вздохом посмотрел на небо:

— Раз уж рыба, кролик и курица так стремятся к нам, мы не должны пренебрегать их преданностью. Управляющий, приготовь их.

Тан Шэнь уже давно насквозь видел этого человека, а потому вставил:

— Я люблю поострее.

Ван Чжэнь на мгновение замер. На его благородном лице отразилось легкое удивление. Он повернулся к Тан Шэню. Его ясный взгляд надолго задержался на юноше, изучая его с

глубоким, труднообъяснимым выражением. Спустя мгновение Ван Чжэнь отвернулся и сказал управляющему:

— Сделай, как просит Цзинцзэ. Приготовь все поострее.

Управляющий поклонился:

— Слушаюсь.

Через час они уже сидели за столом и уплетали ту самую рыбу, кролика и курицу, которых Тан Шэнь совсем недавно собственноручно выпускал на волю.

Закончив трапезу, Тан Шэнь откланялся. К его удивлению, на этот раз Ван Чжэнь лично пошел провожать его до ворот.

Под ясным лунным светом Ван Чжэнь в своем белом парчовом халате казался небожителем, сошедшим с луны. Перед самым уходом Тан Шэнь помедлил, обернулся и спросил:

— Не хотел ли старший соученик Цзыфэн своим сегодняшним поступком показать мне, что для успешной сдачи экзаменов нужно полагаться исключительно на собственные силы, а не уповать на призрачные суеверия?

Ван Чжэнь с притворным изумлением взглянул на него, а затем обернулся к управляющему:

— Разве я говорил сегодня нечто подобное?

Простодушный управляющий покачал головой:

— Нет, молодой господин, вы ничего такого не говорили.

Ван Чжэнь, словно его внезапно поразила забывчивость, снова повернулся к Тан Шэню:

— Вот видишь, я ничего не говорил.

Тан Шэнь не знал, смеяться ему или плакать:

— В таком случае Цзинцзэ откланивается. Старший соученик, не стоит больше провожать меня.

Прожив в Шэнцзине целый год, Тан Шэнь ровно столько же знал Ван Цзыфэна.

Как он и решил при первой их встрече, Ван Цзыфэн был человеком невероятно скрытным и глубоким, и Тан Шэнь до сих пор не мог до конца его разгадать. Однако со временем Тан Шэнь начал понимать: его старший соученик больше всего любил и лучше всего умел говорить намеками и ходить вокруг да около. Вот и сегодня: он явно не хотел, чтобы Тан Шэнь уподоблялся суеверным цзюйжэням, которые в спешке отпускали на волю животных, но говорить об этом прямо не стал. Вместо этого он притворился, будто заставляет его провести этот обряд, наглядно показав всю его бессмысленность.

Для подобного поведения у людей из будущего было свое определение. Тан Шэнь мысленно хмыкнул: «Говорит не по-человечески!»

Впрочем, возможно, именно в этом и заключалась суть чиновничества.

Такова она, доля государственного мужа!

Возвращаясь домой под сиянием ясной луны, Тан Шэнь тихо предавался этим размышлениям.

Девятого числа второго месяца начался столичный экзамен.

Небо еще даже не начало светлеть, когда экзаменующиеся потянулись к дверям Академии экзаменов Шэнцзина, где им предстояло долгое ожидание. Фэнби нес корзину для экзаменов с длинной ручкой, а Яо Сань накинул на плечи Тан Шэня теплую шубу. Шел всего лишь час быка, но у ворот Академии они, к своему удивлению, снова встретили управляющего из Резиденции министра. Точно так же, как во время провинциального экзамена Тан Шэня, управляющий держал в руках корзину для экзаменов с длинной ручкой.

<http://bllate.org/book/18292/1754514>